

СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ

Симонов монастырь – воистину крепость, самый грозный из московских монастырей-фортов. Он защищал наиболее опасные, юго-восточные подступы к столице по старой Коломенской дороге – оттуда накатывали на Москву волны ордынских и крымских нашествий.

Можно описать снесенные здания. Но как передать очарование, ощущение, образ? «Симонов монастырь. С его именем – легкий свет, с его именем – тишина и отдохновение... В самом имени – Симонов монастырь – русская красота, застенчивый свет, - вспоминал в эмиграции писатель Иван Лукаш. - Тихое солнце, пробираясь сквозь листву, дремлет на каменных плитах, где проросли ржавым мхом буквы имен. Шелест берез, череда птиц, отлетающая в млеющем небе московского вечера...»

ВЕКА ИСТОРИИ

Раз собралась большая компания...

Мужской монастырь на левом берегу Москвы-реки видел в своих стенах крупнейших деятелей русской истории и культуры. Пушкин, возможно, посвятил именно Симонову монастырю поэтический отрывок:

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами...

Лермонтов говорит в «Панораме Москвы»: «Рисуются группы нескольких монастырей, между которыми Симонов примечателен особенно». Сюда отправляет он героев «Княгини Лиговской»: «Раз собралась большая компания ехать в Симонов монастырь ко всеобщей молитве, слушать певчих и гулять». Этот эпизод – автобиографический: весной 1832 года компания московской молодежи, в которой был и юный Лермонтов, ездила в Симонов монастырь. Во время этой экскурсии Лермонтов влюбился в сестру своего друга – Вареньку Лопухину, которой посвятил несколько стихотворений.

Герцен в повести «Легенда», написанной неподалеку от Симонова, в Крутицких казармах, где автор провел семь месяцев под арестом, дает поэтичное описание монастыря: «Старинная архитектура указывала время его славы... В нем было столько тишины и спокойствия, сколько святого и поэтического... Печальный, уединенный Симонов монастырь, с черными крышами, как на гробах, с мрачными стенами стоял на обширном поле, небольшая река тихо обвивала его...»

Очень ценил Симонов монастырь и вид, открывавшийся на Москву от стен обители, Н.М.Карамзин: «Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Симонова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра». Карамзин описал окрестности обители в «Бедной Лизе», и тысячи чувствительных читателей меланхолически бродили по берегам «Лизина пруда», существовавшего еще в 1920-е годы. Пруд этот, на самом деле Святой, или Сергиев – по преданию, ископал сам Сергей Радонежский.

Благословение Сергия Радонежского

По благословению митрополита Алексия и Сергия Радонежского племянник и воспитанник последнего Феодор основал Симонов монастырь около 1370 года и долгое время был его первым игуменом. Первоначальное место монастыря было выбрано Феодором и одобрено Сергием Радонежским. Предание говорит, что на месте Симонова монастыря находилось еще до основания Москвы одно из сел легендарного боярина Кучки. Название монастырь получил от монашеского имени – Симон – боярина Стефана Васильевича Ховрина, пожертвовавшего землю для обители при ее основании.

В обители, как и во всех монастырях сергиевской традиции, был введен общежительный устав, внутренние порядки копировали уклад Троицкого монастыря. «Обычай баше того монастыря, - писал о Симонове Иосиф Волоцкий, - таков: в кельях ни ядаху ниже пияху, ниже вне монастыря исхождаху без благословения настоятелева, ниже отрочата в монастыри живяху ниже на дворцах, но вся бываху у них по свидетельству божественных писаний и общежительных преданий».

Монастырь государев

Исторические документы свидетельствуют, что Симонов монастырь стоял во владениях московского великого князя и находился в полном его ведении, исключая, конечно, духовные дела. Однако исторические документы свидетельствуют, что князь мог назначать и отстранять архимандритов некоторых монастырей, включая Симонов. Один из источников говорит прямо: «монастырь Симоновской – государев великого князя». «Симонов монастырь оказывается детищем московской великокняжеской власти, - заключает современный историк В.А.Кучкин, - он принадлежит к тому типу известных в средневековой Европе королевских монастырей, которые являлись центрами подготовки и воспитания тех духовных лиц, которые со временем занимали высшие посты в церковной иерархии и осуществляли в церкви ту политику, которая устраивала светских государей».

По одной из гипотез последнего времени, Симонов монастырь появился гораздо раньше общепринятой даты – во времена княжения в Москве Симеона Гордого (1340-1353), и был домовым монастырем при загородной резиденции князя.

Первый симоновский игумен Феодор был близок к великому князю московскому Дмитрию Донскому; он ходил с князем в поход на Куликово поле, а после битвы стал его духовным отцом, крестил его сына Андрея. Монастырь, как пишут историки, был предметом постоянной заботы великого князя.

Покровительствовала монастырю и семья бояр Вельяминовых, один из которых, Василий, занимал пост последнего московского тысяцкого. Игумен Феодор стал и его духовником.

В 1380-е годы монастырь получил ставропигию – автономию с правом подчинения непосредственно константинопольскому патриарху. Впоследствии ставропигиальные монастыри на Руси подчинялись московскому патриарху «через голову» собственной епархии, и монастырей таких никогда не было более десятка. Симонов монастырь был ставропигиальным и в начале XX века, когда таких монастырей было всего семь. Современники основателя отмечали, что Симонов «честию» превзошел многие великие монастыри.

Старый и Новый Симонов

До 1379 года Симонов монастырь находился несколько ниже по Москве-реке – там, где сохраняется древняя церковь Рождества Богородицы на Старом Симонове. После переноса обители на новое место, указанное Дмитрием Донским, Старый Симонов сохранил статус отдельного, хотя и зависимого от Нового, монастыря вплоть до 1646 года. Он служил местом уединения старцев – «молчальников» и усыпальницей симоновских иноков.

Авторство церкви 1509 года на Старом Симонове приписывают итальянскому мастеру Алевизу Новому, построившему в Кремле Архангельский собор. Несмотря на это и другие свидетельства покровительства монастырю со стороны великокняжеского двора, симоновская обитель воплощала в своей истории иную ипостась столичной монашеской жизни, нежели, например, придворный Чудов монастырь. Тесно связанная с Сергием Радонежским, который часто посещал Симонов монастырь, жил именно в нем во время своих приездов в Москву, считая его «отраслью» своего Троицкого монастыря, Симоновская обитель символизировала путь монашеского подвига в далеких «пустынях» заволжских лесов, путь ухода от бренного и грешного мира. Не случайно выходцем из Симонова монастыря был преподобный Кирилл Белозерский, основатель знаменитого Кириллова монастыря на Русском Севере. В стенах Симоновской обители Кирилл часто вел доверительные духовные беседы с Сергием Радонежским; Сергей, приходя в обитель, первым делом шел не к архимандриту Феодору, своему племяннику, не к братии, а на поварню к иноку Кириллу.

До ухода из Симонова монастыря Кирилл, сменив Феодора, несколько лет был его архимандритом. Тяготясь начальственным положением, 60-летний Кирилл добровольно оставил свой пост, а вскоре, взяв с собою икону Богородицы, отправился со своим единомышленником, также симоновским иноком, Ферапонтом (основателем знаменитого Ферапонтова монастыря) на Север. Часть братии Симонова монастыря последовала за Кириллом.

Связь Симонова монастыря со знаменитыми обителями «Русской Фиваиды» на Севере прослеживается и в архитектуре, и в посвящениях их главных соборов. Верх первого симоновского собора с тремя ярусами кокошников, образ которого унес с собою на Север Кирилл Белозерский, послужил прототипом завершений трех древнейших монастырских соборов тех мест – Спасо-Каменного, Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей. Главный собор Кириллова монастыря, как и в Новом Симонове, был посвящен Успению Богородицы, а собор Ферапонтова монастыря – Рождеству Богородицы, как и главный храм Старого Симонова монастыря.

Более того, композиция Симонова монастыря со временем повлияла на композицию «породившего» его Троице-Сергиева монастыря: каменные крепостные стены последнего (XVI век) очень близки по очертаниям к симоновской ограде, а после строительства в том же столетии у Троицы нового главного собора в обоих монастырях оказалось одинаковым взаимное расположение Успенских соборов и трапезных палат с церковью Сергия Радонежского.

Представление о жизни симоновских подвижников XIV века можно составить по житийному рассказу о первых годах пребывания Кирилла в обители; инок старался во всем подражать своему наставнику старцу Михаилу: «сладостным

казался ему пост и нагота в зимнее время теплотою; изнурением плоти просвещал он свою душу и почти не ведал сна; он просил старца позволить ему вкушать пищу только через два или дня» и т.д.

Митрополиты и патриархи

Выходцами из Симонова были московские митрополиты Иона, Геронтий, Зосима и Варлаам. Зосиму подозревали в тайной склонности к «ереси жидовствующих», и в 1494 году великий князь Иван III велел ему без шума удалиться с митрополии в Симонов монастырь. В 1571-1575 годах монастырь возглавлял Иов, впоследствии первый русский патриарх. Были симоновскими иноками и будущие патриархи Гермоген, Иоасаф II, Иосиф и Иоаким. Многие симоновские архимандриты становились впоследствии архиепископами и митрополитами провинциальных русских епархий. 26 мая 1555 года Симонов монастырь был центром торжественной церемонии проводов в Казань первого православного архиепископа недавно завоеванной области Гурия. После молебна и освящения основания Покровского собора на Красной площади Гурий сел у Москворецкого моста в судно и отплыл к Симонову монастырю. На берегу у стен обители он был встречен крестным ходом и звоном во все колокола, служил литургию в монастырском храме, обедал в трапезной. Заночевав в Симоновом монастыре, наутро архиепископ отправился водным путем в Казань.

Летопись искусств

Каменное строительство началось в монастыре вскоре после его основания и в течение почти трех веков шло на деньги связанного с монастырем богатого рода Ховриных-Головиных. Уже к концу XV века монастырь имел два каменных здания – собор и трапезную палату, что свидетельствует о богатстве и влиятельности обители. Владимир Ховрин, гость и боярин великого князя, постригшийся на закате жизни в Симоновой обители, как говорит летопись, в монастыре «поставил церковь кирпичную Преображение Спасово, да и в пределех собор Михаила да Николы Чудотворца с колокольницею и ограду кирпичную около монастыря сделал». Историки архитектуры признают, что «по насыщенности каменными сооружениями Симонов монастырь не знал себе в то время равных по всей Московской Руси». Впоследствии, в XVI столетии, величественные собор и церкви, трапезная, мощные каменные стены с башнями составили великолепный архитектурный ансамбль. Симонов монастырь был одним из ведущих центров древнерусского искусства. Уже в 1370-е годы в нем были великолепные художественные мастерские, изделия которых (в частности, резная панагия с изображением Вознесения) считаются лучшими образцами русского прикладного – резного и ювелирного - искусства той поры. Оклад симоновского Евангелия 1499 года «История русского искусства» называет «самым прекрасным из сохранившихся образцов русского прикладного искусства конца XV столетия». Художественные ремесла культивировали в монастыре и в XVII столетии.

С XV века известна симоновская библиотека; иноки переписывали и переводили греческие богослужебные книги. Сохранилось рукописное иллюстрированное Евангелие 1470 года, заказанное Ховриными для Симонова монастыря.

Первый игумен Феодор сам был иконописцем. В Симоновом монастыре он, по сообщению «Сказания о святых иконописцах», «написа образ дяди своего св. Сергия чудотворца зело чудно. И zde на Москве обретаются его письма иконы». Видный исследователь древнерусского искусства Г.И.Вздорнов предполагал, что в Симоновом монастыре мог обучаться иконописному искусству и Андрей Рублев. В XV столетии в обители работали знаменитый живописец того времени Игнатий Грек, а также известный иконописец Митрофан, наставник знаменитого Дионисия. Когда после московского пожара 1547 года в Москву для восстановления сгоревших кремлевских иконостасов были вызваны художники из провинциальных городов, образцы для написания икон им указаны были в Симоновом монастыре.

В XVI веке здесь жили почитаемые литераторы и духовные деятели средневековой Руси Вассиан Патрикеев, один из лидеров «нестяжателей», и Максим Грек. В начале 1540-х годов архимандритом Симонова монастыря был известный древнерусский книжник Исаак Собака.

Монастырская экономика

Симонов был одним из самых богатых русских монастырей: не случайно в 1569 году Иван Грозный взял его в опричнину вместе со всеми вотчинами. До наших дней дошли многочисленные деловые документы и Вкладная книга Симонова монастыря средневековой эпохи, позволяющие представить размах монастырского хозяйства. С самого своего основания Симонов монастырь постоянно получал богатые денежные и земельные пожертвования от Дмитрия Донского и его сыновей Василия и Константина, от членов великокняжеской и царской семьи, от княжеских и боярских родов. В XIV-XVI веках монастырь приобрел около 500 селений; в начале XVII века его владения и села находились в 19 уездах, в них было около 8 тысяч десятин пашни, не считая лугов и лесов; в конце столетия монастырю принадлежали почти 2500 крестьянских дворов и 20 тысяч крепостных. Среди владений Симонова монастыря – соляные варницы в Ростове, Переславле и Соли Галичской, село Николо-Рожок с монастырем на озере Селигер, волость Веси Егонской, где монастырь устраивал торговые ярмарки, села Медвежьи Озера (со Спасским монастырем) и Мельница (будущая знаменитая усадьба Кузьминки) близ Москвы, село Воробьево, дворы в Ярославле, Костроме, Владимире, Дмитрове, Коломне. Имелось и подворье в Кремле, на Никольской улице, где в 1458 году была возведена каменная церковь.

Геронтий и Иван III: Каносса по-русски

В XV веке Симонов монастырь был четвертым в иерархии русских обителей, уступая лишь владимирскому Рождественскому, кремлевским Спасскому на Бору и Чудову.

В конце столетия монастырь стал ареной конфликта светской и церковной властей, предвосхитившего фабулу оставления патриархом Никоном своего поста два столетия спустя. В ноябре 1483 года московский митрополит Геронтий, недовольный действиями великого князя Ивана III, оставил кафедру «и съеха в монастырь на Симоново, и с собою ризницу и посох взя, понеже болен». Болезнь митрополита была политической: он рассчитывал, что великий

князь, как во время аналогичного случая два года назад, пойдет на уступки и будет просить его вернуться. Тогда при освящении в 1481 году нового Успенского собора в Кремле великий князь Иван III сделал резкое замечание московскому митрополиту Геронтию, который, по его мнению, ошибочно повел крестный ход против солнца. Геронтий ссылаясь на греческий образец, а московские иерархи, поддержавшие великого князя, в том числе и чудовский архимандрит Геннадий – на обычай. Геронтий, возмущенный вмешательством великого князя в церковный обряд, удалился в Симонов монастырь, не передав никому митрополичьих полномочий. Иван III вынужден был идти к нему на поклон: великий князь лично приехал в Симонов монастырь и «бил челом» митрополиту, умоляя его вернуться на кафедру. Но в 1483 году Иван III не повторил древнерусской «Каноссы». Митрополит попытался вернуться в Кремль: «оздраве и хоте опять на митрополию; князь же великий не восхоте его». Геронтий «многожды убежал из монастыря и имаша его», т.е. по приказанию великого князя Геронтия возвращали в Симонову обитель, которая на несколько месяцев стал для него тюрьмой. Митрополит помирился с великим князем и вернулся в Кремль лишь в ноябре 1484 года. В XVI веке в иерархии русских монастырей Симонов стал пятым, «пропустив вперед» Троице-Сергиев. В 1555 году Иван Грозный встречал в Симоновом монастыре икону Николая Великорецкого, прибывшую речным путем с Вятки.

Иосиф, Филофей и Иван Грозный

В эпоху Грозного Симонов монастырь то оказывал царю важные услуги (показаниями архимандрита на судах над опальными митрополитом Филиппом и новгородским архиепископом Пименом), то попадал «в опалу». Когда Иван Грозный посадил на московский трон крещеного хана Симеона Бекбулатовича, симоновские монахи осмелились указать царю: «не подобает ему мимо своих чад иноплеменика на государство поставлять», что разгневало Грозного. Симоновский архимандрит Иосиф был при Иване Васильевиче осужден и казнен по подозрению в измене, а о симоновских монахах царь писал, что они лишь по одежде иноки, а делают все по-светски: «яко же и сами видите, на Симонове кроме сокровенных раб Божиих, точию одеянием иноцы, а мирская вся совершаются».

С другой стороны, 13 апреля 1558 года Иван Грозный посетил Симонов монастырь, приказал служить панихиду по иноке Кассиане (князь Константин Дмитриевич, сын Дмитрия Донского), велел «колачи и рыбу и квас на братию имати с болшова дворца от дворецкого». В 1561 году царь пожаловал в монастырь колокол «аглиньские земли». В сентябре 1563 года Грозный сделал в монастырь денежный вклад и велел молиться за здоровье «иноки Евдокии» (опальной княгини Евфросинии Старицкой). В 1565 году царь выдал монастырю жалованную грамоту, по которой подмосковное монастырское село велено было «отписать» от посада и «отбелить» от податей. Во Вкладной книге Симонова монастыря записано, что 12 марта 1582 года Иван Грозный пожаловал обители деньги на помин души 74 «опальных», среди которых был и архимандрит Иосиф. В марте 1584 года, незадолго до смерти, Грозный разослал по монастырям крупные денежные суммы на помин души царевича Ивана и «всех убиенных»; Симонов монастырь получил 2200 рублей. Другой симоновский архимандрит, Филофей, напротив, считался любимцем Грозного.

Когда монастырь забрали в опричнину, Филофей пополнил ряды опричного духовенства.

Миссии и церемонии

Симонов монастырь оставался одною из главных русских обителей; его архимандриты были участниками важнейших государственных дел и церемоний, исполняли личные поручения царей. Симоновские архимандриты сопровождали Василия III в псковском походе 1510 года, Ивана Грозного в походе в Новгород и Псков в 1571 году. В 1613 году симоновский архимандрит Павел был участником великого московского посольства в Кострому к Михаилу Романову, чтобы уговорить его взойти на престол. Участвовали симоновские архимандриты и в венчаниях государей на царство, и в церемониях поставления архиепископов в провинциальные епархии, в пасхальных приемах в царском дворце, в освящении храмов в царских резиденциях, торжественных службах патриархов. Им приходилось свидетельствовать присягу опальных князей на верность государю, духовные грамоты великих князей и княгинь московских. Подписи симоновских архимандритов стоят под приговорами Земских соборов XVI-XVII веков. В составе сборника постановлений знаменитого церковного Стоглавого собора сохранилась грамота московского митрополита Макария (1551), посланная «в честную обитель Успения пресвятей причистыя владычице наша Богородица во обитель во общий монастырь на Симоново духовному настоятелю архимандриту Алексию яже о Христе с братиею». Грамота извещает о посылке в монастырь решений Собора и предписывает монахам по ее получении сотворить соборный молебен «о устроении земском, и о тишине», о многолетнем здравии царя и его семейства.

Штраф за бесчестье

В конце XVI - середине XVII столетия Симонов монастырь занимал шестую ступень на иерархической лестнице русских обителей (с пятого места его «вытеснил» новгородский Юрьев). Соборным Уложением 1649 года был установлен штраф «за бесчестье словом» симоновских иноков: «архимариту 60 рублей; келарю пятьдесят рублей; казначею сорок рублей; соборным старцом по двадцати рублей». Бесчестье монастырских слуг оценивалось в 10 рублей. В 1623 году монастырь начинают восстанавливать после погромов Смутного времени. В 1640-е годы строятся новые стены, храмы, каменные двухэтажные здания братских келий, сохранявшиеся до начала 1930-х годов. Возможно, в подвале одной из них томился протопоп Иван Неронов, один из вождей раскола, заключенный на некоторое время в монастыре по приказу патриарха Никона. Среди симоновских монахов были и убежденные приверженцы раскола, входившие в окружение боярыни Морозовой, как, например, инок Трифилий, казненный в Москве в конце 1660-х годов.

Цари в Симонове

В XVII веке в Симоновом монастыре любили бывать цари Михаил Федорович, Алексей Михайлович и Федор Алексеевич, сюда приезжали на богомолье члены царской семьи. Михаил Федорович особенно благоволил монастырю, подолгу жил в нем, построил несколько зданий. Башня и терраса-гульбище над

монастырской трапезной, возведенной в 1677 году по приказу Федора Алексеевича, по преданию, были устроены для него и его семейства, а несколько палат при симоновской трапезной называли в старину «царским помещением».

В последней трети XVII века в Симоновом монастыре провел несколько лет Леонтий Магницкий, знаменитый русский математик петровского времени. Из настоятелей Симонова монастыря конца XVII столетия примечателен Гавриил Домецкий, писатель, полемист, соратник древнерусского мыслителя, настоятеля московского Заиконоспасского монастыря Сильвестра Медведева в его борьбе с духовно-политическим течением «грекофилов». Враги говорили про Домецкого, что он был под подозрением в измене государю, что он «испестрил» Симонов монастырь «латинскими штуками» и написал для него новый келейный, якобы «польский», устав. Домецкий написал два устава – особножительный и общежительный: по мнению историков русского монашества, это может свидетельствовать о том, что в монастыре одновременно применялись оба устава.

А в 1701-м в Симоновом монастыре скончался в заточении Игнатий Римский-Корсаков, бывший митрополит Тобольский и Сибирский, публицист, один из первых русских историков. Он первым из русских писателей был при жизни объявлен умалишенным.

Церковные реформы Петра и Екатерины

В начале XVIII века монастырь начал лишаться части своих владений. В 1702 году государством из его вотчин была продана петровскому фавориту князю Меншикову деревня Медвежьи Озера (в 1723 году монастырь ее вернул). Таким же образом во владении Строгановых оказались будущие Кузьминки: в 1702 году Петр пожаловал их, изъяв из монастырского владения, Александру Строганову за преданную службу. Практика эта продолжалась и позднее.

В 1707 году последовал новый этап петровской церковной реформы: наиболее богатые монастыри были взяты «в определение»: доходами с их вотчин распорядился теперь Монастырский приказ, а обителям определялся постоянный ежегодный оклад. Ежегодные денежные доходы Симонова монастыря в это время составляли более 2500 рублей, из которых на его содержание поступало 933 рубля. В 1720 году вышел царский указ о возвращении монастырям отобранных было вотчин, но Симонов получил свои «заопределенные» владения назад лишь в 1727-1728 годах.

В начале 1760-х годов в Симоновом монастыре содержались под стражей митрополит Ростовский и Ярославский Арсений Мацеевич и его сторонники. Екатерина II готовилась осуществить церковную реформу 1764 года, в ходе которой около половины русских монастырей были закрыты, а у оставшихся, в том числе Симонова, отобрали в пользу государства их земельные владения. Перед реформой за Симоновым монастырем числилось более 12 тысяч душ крепостных.

Традиции древнего иночества

В 1771 году Симонов монастырь стал главным карантинным (изолятором) во время эпидемии чумы; большинство монахов его умерло. В 1788 году монастырь был упразднен и обращен в госпиталь, монахов перевели в

Богоявленский монастырь. О временах запустения Симонова оставил краткое поэтическое воспоминание Н.М. Карамзин: «Часто прихожу на то место, на котором возвышаются мрачные готические башни Симонова монастыря, и почти всегда встречал там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осенние, горевать вместе с природою; страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в темных переходах келий».

Но уже в 1791 году Екатерине II сообщали о просьбах москвичей восстановить Симонов монастырь. Ответ императрицы в ноябре 1791-го был отрицательным. Однако в апреле 1795 года монастырь был возрожден именным указом Екатерины, по ходатайству графа Алексея Мусина-Пушкина, обер-прокурора Святейшего Синода, того самого, кому принадлежит честь открытия «Слова о полку Игореве». В 1790-1800-е годы реконструкцией монастырских зданий занимался архитектор Н. Легран. Игумен-восстановитель Игнатий был близок к знаменитому старцу XVIII столетия Паисию Величковскому. Историки говорят о восстановлении в тогдашнем Симоновом традиций древнего русского иночества: среди его монахов в конце XVIII – начале XIX века было немало учеников старца Паисия.

Симоновский некрополь

В монастыре издревле существовало кладбище (здесь была, например, могила известного казанского царя и «великого князя московского» Симеона Бекбулатовича), но официальное городское кладбище появилось в Симоновой обители после 1723 года. С конца XVIII века оно стало аристократическим, здесь похоронены были представители видных родов. В подклете собора и на монастырском кладбище земле нашли последний приют Мстиславские (в том числе Федор Михайлович, глава «семибоярщины» 1610-1613 годов), Урусовы, Юсуповы, Бутурлины, Татищевы, Новосильцовы, Вадбольские, Нарышкины, Головины (в том числе умерший в 1706 году генерал-фельдмаршал Федор Головин, первый кавалер российского ордена Андрея Первозванного и первый русский граф), Шаховские... В Симоновом монастыре упокоились литераторы С.Т. и К.С. Аксаковы, Д.В. Веневитинов, В.В. Пассек (его вдове настоятель предоставил бесплатное место на кладбище за то, что Пассек написал «Историю и описание Симонова монастыря»), В.М. Ундольский, композитор А.А. Алябьев (в Симоновом похоронен был и полковник Тимофей Времов, в убийстве которого за карточной игрой был обвинен Алябьев), типограф С.И. Селивановский, собиратель А.П. Бахрушин, декабрист П.П. Свиньин, Н.Л. Пушкин (дядя поэта). У могилы Веневитинова каждый год в день его смерти собирались его друзья, служили заупокойную службу, а в трапезной, за обедом, оставляли во главе стола пустое кресло и пустой прибор. По рассказам старых москвичей, и в 1860-е годы, через сорок лет после смерти поэта, три старика встречались за опустевшим столом... По предположению знатока московских древностей М.А. Александровского, в Симоновом монастыре бывал и Пушкин, описавший могилу Веневитинова в «Евгении Онегине» как могилу Ленского. В 1837 году, после гибели Пушкина, московские литераторы собирались отслужить по нем панихиду в Симоновом монастыре, но архимандрит того не разрешил. Просуществовало кладбище Симонова монастыря до 1928 года. На его месте теперь гаражи и свалки.

Хороший теперь, в византийском вкусе

После пожара 1812 года восстанавливать Симонов монастырь начали в 1820-е годы. Местность близ монастыря тогда была одним из вариантов участка для строительства в Москве храма Христа Спасителя. Это было предложение графа Аракчеева, не поддержанное первым архитектором храма Витбергом: «Симонов монастырь хороший теперь, в византийском вкусе, потерял бы много, будучи возле нового здания в греческом стиле. С другой стороны, и новое здание пострадало бы от пестроты старого».

Урбанизация романтизма

В XIX столетии Симонов монастырь оставался одной из самых богатых русских обителей. Его капитал составлял в 1870-е годы более 110 тысяч рублей, в начале 1910-х годов – почти 250 тысяч.

В начале XX века в Симоновом монастыре было шесть храмов с 11 престолами. Он состоял в высшем, 1-м классе русских монастырей. В нем жило 24 монаха. На содержание обители государство ежегодно выплачивало более 1850 рублей. Любопытны данные (1909) о социальном составе симоновских послушников (лиц, исполняющих послушания в монастыре, готовясь к принятию иноческого сана): из 17 послушников в возрасте от 14 до 33 лет 13 происходили из крестьян, 2 – из

крестьян, один был личным почетным гражданином и один – мастеровым.

Урбанизация и промышленный рост Москвы уже тогда наложили свой отпечаток на романтические виды симоновской округи. «Окрестности монастыря, - свидетельствует историк московских некрополей А.Т. Саладин в 1916 году, - были очаровательны, но теперь все это отдано в жертву промышленности, застроено заводами, залито нефтью, покрыто копотью каменного угля».

РАТНАЯ СЛАВА

Обитель-крепость

Симонов монастырь по праву вошел в ратную историю Москвы. По словам летописцев, он неоднократно «был щитом Москвы против врагов». Симонов монастырь был первоклассной средневековой крепостью. Ее архитектурой, по мнению видного историка М.Н.Тихомирова, «Москва могла бы гордиться не в меньшей степени, чем гордятся своими замками французы и немцы». Стены монастыря, с башнями (строителем одной из них, башни «Дуло», по преданию, был знаменитый мастер Федор Конь, создатель стен Белого города в Москве и Смоленской крепости) имели форму пятиугольника. Протяженность стен была около 800 метров, высота – около 8 метров, толщина – 5, 5 метра. С внутренней стороны стены членились аркадой с бойницами нижнего боя. По верху стен шел боевой ход-галерея, прикрытый от неприятеля прямоугольными зубцами с бойницами верхнего боя; косые бойницы-машикули позволяли простреливать подножие стен. В средние века в монастыре-крепости имелись специальные помещения для гарнизона из стрельцов.

Стены монастыря были построены в 1630-1640-е годы, но некоторые башни относились к XVI веку, как, например, уцелевшая от погрома 1930-х башня «Дуло». Есть и сведения о возведении в XV веке каменной ограды монастыря с бойницами на средства В.Г. Ховрина. Следовательно, Симонов монастырь был огражден каменной стеной раньше всех остальных московских обителей. В конце XVI столетия крепостные стены были реконструированы. Они были полуразрушены в Смутное время, почему их и заменили новыми в XVII веке. Предполагают, что строительство новых стен осуществлял известный зодчий Антипа Константинов. Видевший эти стены в середине XVII века Павел Алеппский, сын Антиохийского патриарха Макария, свидетельствует: «Окружная стена монастыря... имеет трое ворот и шесть башен, из коих одни круглые, а другие – четверугольные; на стене много пушек». Пять старинных пушек еще стояли на монастырской стене в 1914-1915 годах. Башни симоновской крепости имели высоту от 25 до 38 метров. Искусствоведы ценили замечательно красивую форму их шатров, увенчанных черепичными главками с флюгерами. Считалось, что шатры над башнями надстроили в 1630-1640-х годах; по последним данным, это произошло в 1683-1687 годах. До наших дней дошли южная стена и три башни – Кузнечная, Солевая и «Дуло». Еще две взорваны в 1930 году – прямоугольная Сторожевая, служившая по совместительству дозорной вышкой, и Тайницкая, под которой находился подземный ход с просторной сводчатой палатой.

Секреты обороны

Подземный ход выводил к пруду и мог служить как для водоснабжения крепости, так и для вылазок во время осады. Известны в монастыре и другие подземные ходы. Один из них соединял обитель со Старым Симоновым. В 1929 году при раскопках в монастыре обнаружили подземную тюрьму – коридор с каменными мешками в рост человека по сторонам.

Между Тайницкой башней и «Дулом» находились западные ворота монастыря со Спасской церковью, между Сторожевой и Солевой – восточные ворота со Знаменской (Никольской) церковью.

Археологи, обследовавшие монастырские стены в 1924 году, обнаружили в их толще лестницы, выводившие на боевой ход, лазы наружу, а также систему, которую они назвали «сигнализация с Кремлем». Сигнализация, с помощью которой гарнизон форпоста мог подавать предупредительные сигналы в главную цитадель, устроена была так: в стене монастыря «на высоте человеческого роста имеется сквозное отверстие, в кулак величиной.

Смотрящий в это отверстие видит только одну точку – Кремль. Неподалеку от отверстия устроены четыре квадратных окна. Отсюда, по-видимому, и делались соответственные сигналы, в случае опасности».

Мемориал побед Дмитрия Донского

С самого начала своей истории монастырь был одним из главных воинских мемориалов Москвы. В честь первой победы русских над татарами – в 1378 году на реке Воже – в нем закладывается в 1379 году каменный Успенский собор. После Куликовской победы, одержанной в день Рождества Богородицы, монастырю, по сообщению старинных источников, «стал особенно радеть» Дмитрий Донской. А в церкви Рождества Богородицы на Старом Симонове в

1380 году были похоронены Александр Пересвет и Родион Ослябя – герои Куликовской битвы. Согласно последним гипотезам, они были монахами не Троице-Сергиева, а Симонова монастыря – иначе и хоронить их повезли бы в Троицу. На монастырском кладбище были похоронены многие павшие на Куликовом поле ратники. Советская власть воздала памяти героев должное – в 1929 году сень-гробница Пересвета и Осляби была, согласно изысканиям историка В.Ф.Козлова, продана как металлический лом (564 кг) некоему гражданину Хохлову за 317 рублей 25 копеек. Примечательно, что продали гробницу героев не воинствующие безбожники, а музей Симонова монастыря, который затем обосновывал эту «негоцию» тем, что «не имел спецсредств и нуждался в таковых». Церковь Рождества Богородицы в советские годы долгое время служила производственным помещением завода «Динамо», могила была заброшена, и над прахом героев ревели компрессорные установки. Лишь в конце 1980-х годов храм был возрожден, его территория выгорожена из заводской, а надгробия Осляби и Пересвета восстановлены.

Древнерусское Бородино

С Симоновым монастырем связан также мистический эпизод военной истории русского средневековья. В ночь перед штурмом Казани в 1552 году царю Ивану Грозному явственно послышался в ночной тиши звон колоколов Симонова монастыря – этот факт засвидетельствован в исторических хрониках XVI столетия. «И внят, - вспоминал царь, - яко быти благодати Божией».

Крепость Симонова монастыря часто оказывалась в огне сражений. Не раз подступали враги под монастырские стены – и татары, и крымцы, и поляки с литовцами. В 1382 году монастырь был разграблен во время нашествия на Москву Тохтамыша.

Английский торговый агент в России XVI века Джером Горсей в описании своего путешествия, описывая пожар Москвы во время набега хана Девлет-Гирея (24 мая 1571 года), сообщает: «Крымский царь со своими войсками наблюдал этот большой пожар, удобно разместившись в прекрасном Симоновом монастыре на берегу реки, в четырех милях от города».

Существование с Симоновом монастыре придела, а затем отдельного храма во имя Происхождения Честных Древ Креста Господня позволяет считать его памятником победы русских войск над ханом Девлет-Гиреем во время его следующего нашествия, в 1572 году. Пятидневную битву 28 июля – 2 августа у села Молоди к югу от Москвы, «древнерусское Бородино», в которой стотысячная крымская армия была наголову разбита русскими воеводами князьями Михаилом Воротынским и Дмитрием Хворостининым, некоторые историки ставят в один ряд с Куликовской победой. Речь шла о судьбе государства: Девлет-Гирей намеревался одним ударом покончить с православным северным соседом.

«Вот монумент первой победы над крымским ханом (в 1572), - пишет в 1840 году Н.Д.Иванчин-Писарев, – это придел во имя Происхождения Честных Древ. Россияне! Когда увидите вы годичный крестный ход 1 августа... вспомните кровь отцов своих; не забудьте благословить и память их вождя, князя Михаила Воротынского, ставшего на костях и обратившего в бегство Девлет-Гирея!»

Набег Казы-Гирея

Наиболее яркий эпизод военной биографии Симонова монастыря – успешное отражение нашествия на Москву наследника Девлет-Гирея, крымского хана Казы-Гирея в 1591 году. В Симонов монастырь был заблаговременно направлен отряд стрельцов под командованием воеводы В.В. Квашнина.

Сражение 4 июля 1591 года разыгралось на большой территории на южных подступах к городу. Весь день 4 июля 1591 года со стен Симонова монастыря пушки вели активную стрельбу по неприятелю. Когда полки Казы-Гирея двинулись от Коломенского к Кремлю, Симонов и Новоспасский монастыри, пропустив

неприятеля мимо, открыли пушечный огонь ему в тыл. К вечеру хан отступил. Ночью крымское войско ушло от Москвы так же стремительно, как и пришло.

Это был последний набег крымцев на русские земли, в ходе которого они смогли дойти до Москвы. Участие Симонова монастыря в обороне Москвы было отмечено строительством в нем храма Происхождения Честных Древ Креста Господня, который, таким образом, стал мемориалом побед 1572 и 1591 годов.

А Симонов монастырь в целом, следовательно, является мемориалом всех крупных побед русских над ордынскими и крымскими татарами – на реке Воже, на Куликовом поле, над Девлет-Гиреем и Казы-Гиреем.

Кампании Смутного времени

Вновь Симонов монастырь оказался на театре военных действий в Смутное время. В 1606 году посланный в монастырь Василием Шуйским отряд стрельцов вместе с монахами отразил приступ войск Ивана Болотникова. В 1610 году монахи Симонова, не желая подчиняться решению Боярской думы об избрании на русский престол польского королевича Владислава, послали гонцов с поклоном в лагерь Лжедмитрия II. Обитель стала одним из центров сопротивления захватившим Москву полякам и опорной базой осаждавшего Москву первого ополчения.

Французы в Симонове

Последний по времени сооружения значительный памятник монастыря – надвратная колокольня – был монументом победы в Отечественной войне. В 1812 году монастырь пожертвовал два пуда серебра на вооружение русской армии. Пережил он и французский погром: незваные гости явились в обитель 5 сентября, когда в соборе шла служба. Они подождали, пока она закончится, а затем приступили к грабежу: забрали с престола кресты и Евангелие, взламывали шкафы и сундуки, обыскивали монахов и отбирали у них сапоги. Французы ограбили храмы и ризницу, в частности, похитили украшения с царских врат иконостаса Тихвинской церкви. Уходя, они подожгли обитель и – к счастью, безуспешно – пытались ее взорвать. Это не им на роду было написано.

ГИБЕЛЬ СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ

Вновь в осаде

Первые годы послереволюционного лихолетья не обошли монастырь стороной. Он был закрыт в 1923 году, в начале 1920-х в нем размещались общежития и квартиры для рабочих. Последний симоновский игумен Антонин (Чубарев) скончался в 1925 году в заключении в Соловецком лагере. Монастырь был ограблен – в марте-апреле 1922 года из монастыря в ходе реквизиции церковных ценностей было вывезено 26 пудов серебра, причем у стен обители произошло столкновение верующих с комиссией по изъятию ценностей. По соседству с действующими храмами в 1924 году обосновался молодежный клуб. Но древние здания были в 1920-х годах исследованы и частично реставрированы архитекторами П.Д. Барановским и С.К. Родионовым. В 1923 году в одной из монастырских церквей был открыт небольшой музей. Траты государства на него, правда, были крайне незначительны: в штате состояли заведующий (на полставки), научный сотрудник, несколько уборщиц и сторожей. Симонов монастырь посещали экскурсанты, о нем вышла даже небольшая брошюра.

Но с середины 1920-х годов старинная крепость вновь оказалась во вражеской осаде. Одна из легенд о знаменитом реставраторе П.Д. Барановском, говорит, что однажды его вызвали в Моссовет и попросили составить список наиболее ценных архитектурных памятников Москвы. «Для чего?» - спросил Барановский. – «Хотим сохранить все уникальное при реконструкции столицы». Барановский и Сухов написали список из 11 памятников. В нем значились Сухарева башня, Симонов монастырь. Через год-два Барановский и Сухов поняли, что сносы московских памятников теперь идут по их списку. Уцелел только храм Василия Блаженного. Когда через много лет Барановского спросили – какой архитектурный ансамбль Москвы он поставил бы на первое место, не считая, разумеется, Кремля – реставратор ответил не задумываясь: «Симонов монастырь. Равных в Москве ему нет...»

Культурный Днепрострой

Хроника разрушения монастыря документально исследована историком В.Ф. Козловым. Первым объектом атак строителей новой жизни оказалось монастырское кладбище. Уже в 1925 году начали разрушать старинные надгробия, монастырский некрополь был загажен свиньями и собаками. Рогожско-Симоновский райсовет разрешил продавать надгробные памятники нуждающимся в стройматериалах, по 25-30 рублей. А в 1927 году райсовет уже обращался в Моссовет за разрешением снести кладбище вовсе, чтобы устроить на его месте парк.

Не лучше обстояло дело и со старинными зданиями. Последний храм монастыря был закрыт Моссоветом в апреле 1929 года. Через месяц было принято решение о сносе колокольни. В уникальной монастырской трапезной было установлено 29 станков, от работы которых разрушались своды. Музей в Симоновом монастыре, посвященный «военно-крепостной обороне Московского государства» и потому пользовавшийся даже поддержкой Политуправления РККА, фактически прекратил работу.

Многие монастырские постройки заняли под жилье, разместив около 300 семей. Монастырская территория была отдана в распоряжение рабочего клуба «Пролетарская кузница», который в июле 1929 года заявил о планах сноса Успенского собора.

Территорию Симонова монастыря планировалось превратить в парк, в котором должны были возвести «культурный Днепрострой» - комплекс из Дворца культуры, театра и стадиона. Наркомпрос и реставраторы безуспешно пытались спасти древние памятники, за что подвергались обструкции в советской печати. «Клабуновский и Барановский имели смелость заявить рабочим, что нельзя разрушать культовое учреждение Симонов монастырь, - доносила в ноябре 1929-го «Вечерняя Москва». – Летом Барановский заявлял рабочим: «Вам не удастся взять монастырь»... Этой возмутительной истории должен быть положен конец».

Ночь взрывов

Последняя осада увенчалась успешным штурмом. Комиссия ВЦИК признала, что часть построек монастыря может быть сохранена, но собор и стены должно снести. В 1930 году «Вечерняя Москва» опубликовала статью П.Шара «Конец Симонова монастыря»: «рабочие Ленинской слободы (так стали после революции называть Симоновскую слободу – К.М.) долгое время боролись за уничтожение обители, ходили на воскресники по ее разборке с лозунгом «Построим на месте очага мракобесия очаг пролетарской культуры!» Этот очаг – Дворец культуры Завода имени Сталина (впоследствии ЗИЛ) – предложили построить А.В. Щусеву, но тот отказался, узнав, что непременное условие нового строительства – снос Симонова монастыря. А вот братья Веснины не отказались, и 22 января 1930 года восемь направленных взрывов уничтожили большую часть монастырского ансамбля. Уцелели южная стена с тремя башнями, трапезная с Тихвинской церковью и некоторые служебные постройки обители; как писал в 1947 году П.В.Сытин, их сохранили по предложению А.М. Горького и Л. Кагановича (!). Для взрыва, с гордостью повествовала «Вечерняя Москва», потребовалось 1500 кг аммонала и пироксилина. Начальником подрывных работ был тов. Кондинов».

А вот восторженный репортаж классика советской журналистики Михаила Кольцова, одного из инициаторов уничтожения Симонова монастыря, в «Правде» от 22 января 1930 года: «Закладывают пироксилиновые шашки... а потом грохот... И столб, нет, не столб, а стена, широкая, плотная, исполинская, черная стена медленно вздымается и еще медленней сползает в просветлевшем небе... Нет, это замечательно! – собор раздробился на совершенно отдельные, разъединенные цельные кирпичики... В шестую годовщину, в ленинскую ночь, Сталин и с ним вся партия заложили новую смену пироксилиновых шашек...»

Ритуальная жертва

Гибель Симонова монастыря, несомненно, подтверждает преднамеренный характер разрушения памятников старой Москвы, символов православной Руси. Вокруг монастыря простирались обширные пустыри. Для рабочего дворца культуры места на тогдашней окраине было предостаточно, но требовалось непременно уничтожить старинный монастырь. В программу строительства дворца непременным условием входило его возведение «на месте поповского гнезда». Взрыв Симонова монастыря был обставлен как политический, символический, фактически ритуальный акт: он был произведен в ночь на годовщину со дня смерти Ленина. Символ старинной России приносился в жертву памяти

коммунистического вождя. И должен был быть именно заменен символом новой пролетарской культуры. Фоторепортаж о взрыве монастыря в журнале «Огонек» был озаглавлен: «Вместо крепости мракобесия – рабочий дворец культуры». Журнал «Безбожник» в статье «Взрываем очаги обмана» торжествовал: «Только после решительного протеста всей рабочей общественности и категорического требования рабочих Ленинской слободы ревнители из Главнауки принуждены были сдаться и вопрос о срытии монастыря был решен положительно». Процесс взрывных работ снимали на киноплёнку – потомству в пример. На руинах оркестры играли марши, состоялся митинг с приветственной речью «секретаря Пролетарского района» Давидсона, который воспел «героическую работу красных саперов». Председатель Моссовета Уханов произнес речь об уничтожении «базы варварства и невежества». В разборке руин собора и церкви Александра Свирского участвовало восемь тысяч рабочих и т.д.

Фундамент культуры

Чуть позже в московских кинотеатрах стали демонстрировать документальный фильм о разрушении Симонова монастыря. «Красноармейцы, вооруженные топорами, разбивали на части старинный иконостас, украшенный тонкой резьбой», - вспоминал этот фильм много лет спустя искусствовед Б.И. Пуришев. Наверное, ни в одной другой стране мира в XX веке не гордились и не выставляли напоказ откровенный вандализм. Разве что талибы, взрывавшие буддийские статуи в Афганистане, приходят на ум. Да вот еще в Москве рубежа XX-XXI веков радуются бетонным новоделам на месте исторических подлинников. Меняются ли времена?

Строители Дворца культуры поначалу заверяли, что не будут сносить уцелевшие при взрыве постройки обители. Но в сентябре 1930 года они начали разбирать Никольскую надвратную церковь. Президиум ВЦИК заверил Наркомпрос, что остальные постройки пощадят, но в 1931 году сносы продолжились. Московские стройки, как подсчитали репортеры 1930-х, получили 235 тысяч кирпичей.

Уничтожено было в 1928 году и старинное монастырское кладбище. В одной из книг писатель Владимир Солоухин цитирует протокол о вскрытии монастырских могил: «При извлечении останков некоторую трудность представляло взятие костей грудной части, так как корень березы, покрывавший всю семейную могилу Аксаковых, пророс через левую часть груди в области сердца». Вот я и спрашиваю, - продолжает Солоухин, - можно ли было перерубать такой корень, ронять такую березу и взрывать само место вокруг нее?»

Прах Аксаковых и Веневитинова перенесли на Новодевичье кладбище, а добытый из могилы поэта знаменитый перстень попал в экспозицию Литературного музея. «Истерзанные остатки Симонова монастыря, седые памятники старины, вещающие о былой доблести и чести», - напишет искусствовед А.Н. Греч в Соловецком лагере. «Не могло человеческое воображение представить, что... придется оплакивать гибель Симонова монастыря», - отзовется из-за границы Н.К. Рерих. Могильные плиты с монастырского кладбища улеглись в фундамент Дворца культуры. Что ж, каков фундамент - такова и культура, мы это до сих пор ощущаем.

УСПЕНСКИЙ СОБОР

Суровая важность стиля

«Тое же осени октября в 1 день священа бысть церковь каменная на Симонове Успение богородицы, юже основа Федор архимандрит, а соверши ю князь великий Василий», - читаем мы в Пискаревском летописце в статье за 6913 (1404) год. Первый каменный монастырский собор, как считают историки, строился в 1379-1404 годах на средства богатого сурожского (современный Судак в Крыму – К.М.) гостя-купца Григория Ховры и его жены Агрипинны. Считается, что уже первоначальный симоновский собор имел пирамидальную композицию верха с ярусами закомар и кокошников. В XV веке к нему пристраивались приделы, в 1476 году был заменен разрушенный молнией купол собора. Известно, что делал это венецианский мастер, наряду с Аристотелем Фиораванти приглашенный ко двору великого князя Ивана III. В 1543-1549 годах храм был капитально перестроен – вновь на средства Ховриных, сохраняя формы и композицию первого собора. Это был четырехстолпный трехапсидный одноглавый храм. Если фрагменты первого монастырского собора, как предполагают, сохранялись в недрах храма XVI века, то его нужно считать, наряду с собором Андроникова монастыря, древнейшим дошедшим до XX века зданием Москвы за пределами Кремля. Стены храма, расчлененные пилястрами, были лишены каких-либо украшений, кроме кокошников. Стоял он в центре монастырской площади на высоком белокаменном подклете. Собор окружала с трех сторон открытая галерея-гульбище. «В этом храме, - писал в 1840 году Н.Д. Иванчин-Писарев, - соединен вкус византийский с идеальным или, лучше сказать, с древним русским... суровая важность стиля в верхней части и сводах внушает одинаковое чувство благоговейного трепета».

Итальянский след

Как считают историки, Успенский собор Симонова монастыря стал одной из первых в русской архитектуре попыток создать новый тип «кубического храма на пьедестале». Вот как оценивает симоновский собор и его роль в истории отечественной архитектуры фундаментальная «История русского искусства»: «Он отличался своей высотой, стройностью форм и красотой декоративного убранства. Высокий подклет не только возрождал древнюю московскую традицию (собор в Коломне), но и усиливал архитектурное значение собора среди прочих построек монастыря... Его преобладающая роль в архитектуре всего монастыря явилась новым этапом в развитии древнерусского ансамбля. До этого монастырский собор был лишь главным зданием среди прочих построек монастыря, не будучи центром его архитектурной композиции. Собор же Симонова монастыря, благодаря своей новой архитектурной трактовке, сделался первенствующим монастырским сооружением, которому было подчинено все остальное... В соборе Симонова монастыря в известной степени был предвосхищен тот архитектурный ансамбль, который позднее, в XVII веке, сделался ведущим в русском монастырском строительстве». Современный исследователь А.Л. Баталов добавляет: «Собор Симонова монастыря обладает характерными особенностями... это сочетание черт в композиции фасадов, традиционных для Москвы XV в., с италянизирующими

мотивами в интерьере». Отдельные детали убранства монастырского собора близки деталям церкви Вознесения в Коломенском, по новейшим гипотезам, выстроенной итальянцем, и Петроковской звонницы в Кремле.

В 1690-е годы над углами здания надстроили четыре боковых главы, и храм стал пятиглавым. В 1832-1845 годах собор вновь подвергся перестройке по проекту Константина Тона. К нему пристроили Казанский придел и ризницу. Позакомарное покрытие сменилось четырехскатной кровлей. В 1891 году главный купол собора получил новую форму, не соответствовавшую четырем боковым главам. Несмотря на это, до самого сноса собор сохранял типичный для памятников XVI-XVII веков кубический объем, увенчанный килевидными закомарами и тяжеловатым луковичным пятиглавием, хотя убранство собора относилось уже к более позднему времени.

Крестовые своды собора опирались на четыре столпа. Внутри стены покрывала живопись конца XVII века, выполненная царскими иконописцами. К тому же времени относился пятиярусный резной вызолоченный иконостас, в котором были древние иконы греческого письма – Успения, Троицы, и Тихвинской Богоматери. Иконостас этот закрывал древнюю невысокую алтарную преграду. В соборе хранился украшенный драгоценными камнями образ Бога-Отца – по преданию, врученный Сергием Радонежским Дмитрию Донскому, выступавшему в поход на Куликово поле в 1380 году.

Взрывные траншеи

Собор оставался действующим храмом до апреля 1929 года, когда был закрыт постановлением Моссовета по просьбе Главнауки, посчитавшей богослужения несовместимыми с музейным статусом монастыря. Сохранилось несколько фотоснимков той поры, на которых красноармейцы выносят из собора иконы, утварь, детали иконостаса. А в январе 1930 года стены Успенского собора прорезали до 1500 траншей, куда закладывали взрывчатку. Реставраторы в спешке делали схематичные обмеры и фотофиксацию. После взрыва 22 января руины собора были разобраны. На его месте стоит Дворец культуры ЗИЛ. Несколько икон из Успенского собора и трехстворчатый складень из ризницы, которым Сергей Радонежский благословил перед Куликовской битвой Пересвета и Ослябю, хранятся в Третьяковской галерее. Часть симоновских икон была передана в церковь Сошествия Святого Духа на Даниловском кладбище.

СПАССКАЯ НАДВРАТНАЯ ЦЕРКОВЬ

Надвратная церковь Всемилоственного Спаса – Происхождения древ честного Креста была сооружена в 1591-1593 годах. Она построена в честь победы над войсками Казы-Гирея, но напоминала и о победе над его предшественником Девлет-Гиреем в 1572 году. В службе престольного праздника Крест Господень прославлялся как оружие, с помощью которого православный государь одолевает неверных. Освящена она была 1 августа 1593 года патриархом Иовом в присутствии царя Федора Иоанновича. Как и другая надвратная церковь, Знаменская, Спасская церковь над западными воротами монастыря входила в первоначальную линию крепостных стен обители XV-XVI веков. Впоследствии обе церкви были включены и в линию стен 1630-1640-х годов. Спасская церковь была единственным дошедшим до XX столетия надвратным храмом

Москвы XVI века. По этому храму монастырь называли иногда Спасским Симоновым.

Спасский храм, по оценкам искусствоведов – типичный бесстолпный четверик «годуновской школы», увенчанный одной главой. В нижнем ярусе постройки находились ворота, в верхнем – безапсидная церковь. Фасады ее были симметричны, пилястры разделяли стены на три равных прясла. Завершение храма покоилось на пирамиде их трех рядов полуциркульных кокошников. Спасскую церковь специалисты считают первым памятником русской архитектуры, в котором «пирамидальная композиция верха выражена в столь ясной, отточенной форме». Впоследствии эту композицию будут развивать многие известные памятники первой трети XVII столетия. В интерьере церкви весьма интересен был крещатый свод со ступенчатыми распалубками. По одной из гипотез, автором Спасской церкви мог быть прославленный зодчий той эпохи Федор Конь.

Новая монастырская стена XVII века как бы «задвинула» Спасскую церковь вглубь монастыря, где она и сохранялась до 1930 года. По древнему обычаю, в нижней части храма было два воротных проема: больший – для проезда, меньший – для пешеходов.

Церковь не раз перестраивалась, обростала пристройками в XVII веке, перedelывалась в 1743 и 1823 годах. Но до конца своих дней она сохраняла облик сурового стража крепостных ворот – единый нерасчлененный мощный объем при фактически полном отсутствии декоративного убранства на стенах. Иконостас, дошедший до советского времени, был устроен в 1823 году, но сохранял древние иконы XVI-XVII веков.

Интересны были и сами Западные ворота монастыря – фактически полноценная крепостная башня XVII века, пристроенная к церкви с западной стороны. К церкви примыкали настоятельские кельи.

В конце 1922 года в надвратной церкви пытались устроить рабочий клуб. При взрыве монастыря в 1930 году Спасская церковь уцелела, но ненадолго. В 1931-1932 годах в ней размещалась контора строительства Дворца культуры, а затем храм снесли. Перед разборкой храм успели обмерить, а П.Д. Барановскому удалось вывезти в музей в Коломенском его иконостас.

НИКОЛЬСКАЯ НАДВРАТНАЯ ЦЕРКОВЬ

Церковь Знамения над восточными монастырскими воротами была построена на месте старой в 1623 году на средства бояр Милославских, перестроена в 1677 году. Впоследствии она была упразднена за ветхостью, но в 1834-1843 годах перестроена по проекту Е.Д. Тюриня и переосвящена во имя Николая Чудотворца. Старое здание при этом заключили в футляр новых стен и надстроили. Восточные, или Луговые, ворота монастыря в старину считались парадными. С двух сторон к надвратной церкви примыкали больничные кельи. Этот ансамбль не погиб в январских взрывах 1930 года. Никольский храм начали разбирать в сентябре 1930-го. Снос продолжался весной 1931 года. Наркомпрос и реставраторы, обращавшиеся в Президиум ВЦИК, тщетно пытались защитить храм. Летом 1932 года его окончательно уничтожили вместе с Водяными воротами и участком монастырской стены.

ЦЕРКОВЬ СОШЕСТВИЯ СВЯТОГО ДУХА

Двухэтажный одноглавый храм был построен около 1700 года во имя свв. Ксенофонта и Марьи. Редкое посвящение было связано с днем ангела храмоздательницы – царицы Марии Алексеевны. В 1796 году храм был перестроен и получил новое посвящение – Сошествия Святого Духа. После перестройки архитектором П.Т. Завьяловым в 1853 году был вновь переосвящен во имя Александра Свирского. В 1923 году в церкви был размещен музей. Взорвана в январе 1930-го вместе с остальными монастырскими постройками.

КОЛОКОЛЬНЯ

«А позадь-то, колокольня-то высоченная, как свеча... то Симонов монастырь, старинный», - говорит один из героев «Лета Господня» Ивана Шмелева. Одна из наиболее известных построек архитектора Константина Тона, эта колокольня присутствует практически на любом панорамном виде Москвы с 1830-х до 1930 года. Целое столетие она, видная из любой части Москвы, была одной из важнейших архитектурных доминант города. «Днем ли, при солнечном блеске, ночью ли, при лунном свете, подъезжать к Москве, - говорит дореволюционный путеводитель, - Симоновская колокольня, как бдительный исполинский страж, прежде всего открывается взору путника». В общей градостроительной композиции Москвы симоновская колокольня была поставлена симметрично (относительно Кремля) высокой ярусной колокольне Новодевичьего монастыря. Пятиярусная 47-саженная (94, 5 метра) колокольня построена была в 1835-1839 годах на средства купца Ивана Игнатьева, пожертвовавшего для этого 400 тысяч рублей. Это была самая высокая колокольня Москвы и, как уверяют старинные описания, самое высокое здание Европы тех времен. Новая колокольня сменила старую симоновскую столпообразную церковь-звонницу XV-XVI веков. Решение о строительстве новой колокольни в Симоновом монастыре было принято в 1832 году; место для колокольни выбирал архитектор Е.Д. Тюрин, он же составил и ее проект в классическом духе. Но построили колокольню в «русском стиле» по проекту Тона. Огромная, увенчанная луковичной главой, она соответствовала представлениям 1830-х годов о национальных началах в русской архитектуре. Современники осознавали симоновскую колокольню как монумент победе 1812 года – не случайно она была выстроена тем же архитектором и в том же «русском стиле», что и храм Христа Спасителя. Архитектурный ее образ развивает тему старинных ярусных московских колоколен – Ивана Великого и колокольни Новодевичьего монастыря. Колокольня встроена в линию стен, продолжая градостроительную московскую традицию XVII-XIX веков.

В отличие от старинных прототипов, колокольня Симонова монастыря была заметно несоразмерна с древним ансамблем, подавляла его. В первом ярусе колокольни находились северные Святые врата монастыря и кладовые. Во втором ярусе была устроена церковь во имя Иоанна Патриарха и Александра Невского. На третьем ярусе висели колокола времен царя Михаила Федоровича. Надпись на одном из колоколов, 1665 года, хранила имя мастера – Александр Григорьев. Он знаменит отливкой самого звучного русского колокола – Большого Благовестника звенигородского Саввина-Сторожевского монастыря (разбился в 1941 г.). Гордостью Симонова монастыря был перевешенный со старой колокольни на новую тысячпудовый колокол 1677 года, отлитый мастером Харитоном Поповым. В четвертом ярусе находились часы. Вид с

симоновской колокольни на город ценился москвичами и даже специально описывался в путеводителях.

Судьба симоновской колокольни была решена в апреле-мае 1929 года. Ее сноса добивался отдел благоустройства Рогожско-Симоновского совета. Музейный подотдел Московского отдела народного образования разрешил снести колокольню полностью или до первого яруса. Против выступили Управление строительного контроля и Геодезическое управление – не из историко-художественных соображений, а потому, что высокий шпиль колокольни служил хорошим ориентиром для геодезистов. Однако в мае 1929 года Центральные государственные реставрационные мастерские разрешили снос колокольни Симонова монастыря. Главнаука Наркомпроса также согласилась пожертвовать колокольней как «не имеющей историко-археологического значения». Ломать ее начали в июле 1929 года. Все 11 колоколов были забронированы за Особой частью Госфондов и подлежали сдаче по 15 рублей за пуд. При сносе колокольни колокола передавались Рудметаллторгу, который должен был потом перечислить Музейному подотделу МОНО 60 процентов их стоимости. Так тысячепудовый симоновский колокол, один из самых интересных по звучанию русских колоколов, отправили на переплавку.

СИМОНОВ МОНАСТЫРЬ В НАШИ ДНИ

Уцелевшие здания Симонова монастыря некоторое время продолжали восприниматься как недобитые «классовые враги». В 1938 году, например, фотография башни «Дуло» публиковалась в архитектурном журнале с такой подписью: «Башня бывш. Симонова монастыря – символ царско-помещичьей «культуры». Остатки Симоновского ансамбля были реставрированы в 1950 году. Хозяином зданий стало ДСО «Рыболов-спортсмен», превратившее монастырскую территорию в свалку. Памятники архитектуры продолжали уродовать: к крепостной стене пристроили заводскую пилораму и сантехнические мастерские.

В конце 1980-х годов в Симоновом монастыре вновь начались реставрационные работы. Школьники, внуки и правнуки рабочих, ходивших в 1930-е годы на воскресники по разборке взорванных симоновских руин, теперь работали на субботниках по восстановлению обители. В 1994 году весь комплекс сохранившихся зданий монастыря передан Патриархии, в 1995-м возобновились богослужения в трапезном Тихвинском храме. Здесь открыт единственный в России приход для слабослышащих, где церковные проповеди прихожане воспринимают с помощью сурдопереводчиков. Современный адрес монастыря: Восточная улица, 4.